

Оригинальная статья

УДК 81'42; 82-313.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-114-127>

Реализация концепта «тайна» в произведениях Дж. Липпарда и Н. Бантлайна

Вера Викторовна Безрукова¹, **Артёмий Витальевич Гаркуша²**

^{1, 2}*Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия*

¹verabz.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3742-4187>

²work.garkusha@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6733-8582>

Введение. Статья посвящена анализу языковых средств выражения концепта «тайна» в беллетристических произведениях Дж. Липпарда и Н. Бантлайна, выделению его социокультурного компонента и построению полевой модели лексических единиц, представляющих данный концепт. Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению концептосферы художественных произведений жанра «городских тайн» американских авторов.

Методология и источники. Исследование проведено в рамках лингвокультурологического подхода с использованием методов описания, сравнения, интерпретационного анализа, концептуального анализа, метода анализа словарных дефиниций, структурно-семантического анализа, метода количественных подсчетов. Иллюстративный материал исследования составил более 74 лексических единиц, представляющих концепт «тайна» в языке, 45 из которых были обнаружены в анализируемых произведениях. Материал был получен методом направленной выборки из беллетристических произведений американских авторов XIX в.

Результаты и обсуждение. В данной статье рассматриваются и анализируются различные трактовки концепта «тайна» отечественными и зарубежными учеными; определяется роль концепта в художественном произведении в целом и в анализируемых романах двух авторов – Дж. Липпарда и Н. Бантлайна; выявляются особенности языковой реализации концепта «тайна»; классифицируются языковые единицы концепта относительно их частей речи, семантики и стилистической окраски; анализируются языковые картины мира писателей и концептосферы их произведений, иллюстративная зона которых выявляет причины сходства не только сюжетных линий, но и их лексического наполнения.

Заключение. Проведенное исследование позволило описать и проиллюстрировать идиостиль американских авторов XIX в. через систему средств выражения, которая соотносит внутренний мир писателя с художественной действительностью, художественным миром текста, создаваемым «поэтическим» языком. Ментальный мир может трактоваться в когнитивной терминологии как индивидуальная поэтическая концептосфера, или концептуальная система автора, состоящая из понятийного, предметного, ассоциативного, образного и символического слоев концепта. Исследование показало, что изучение языковой картины мира писателя и концептосферы произведения можно проводить с помощью полевой методики, анализируя лексико-семантическое поле (ЛСП), входящее в концепт «тайна». Анализируемое ЛСП отличается более специфическим составом лексики, усложнением семной структуры слов, наращиванием сем и перестройкой их иерархии, что вместе формирует художественное мировоззрение авторов.

© Безрукова В. В., Гаркуша А. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: концепт «тайна», жанр «городская тайна», идиостиль, полевая структура, лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантическая группа (ЛСГ)

Для цитирования: Безрукова В. В., Гаркуша А. В. Реализация концепта «тайна» в произведениях Дж. Липпарда и Н. Бантлайна // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 114–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-114-127.

Original paper

Concept of “Mystery” and its Realization in the Works of J. Lippard and N. Buntline

Vera V. Bezrukova¹✉, Artemii V. Garkusha²

^{1, 2}*Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia*

¹✉*verabz.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3742-4187>*

²*work.garkusha@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-6733-8582>*

Introduction. The article is devoted to the analysis of the linguistic means expressing the concept of “mystery” in the fictional works of J. Lippard and N. Buntline, the allocation of its socio-cultural component and the field model construction of lexical units representing this concept. The relevance of the research is due to the interest of modern linguistics in the study of the conceptual sphere of artistic works of the “urban mysteries” genre by American authors.

Methodology and sources. The study was conducted within the framework of a linguistic and cultural approach using methods of description, comparison, interpretative analysis, conceptual analysis, the method of dictionary definitions analyzing, structural and semantic analysis, and the method of quantitative calculations. The illustrative material of the study consisted of more than 74 lexical units representing the “mystery” concept in the language, 45 of which were found in the analyzed works. The material was obtained by the method of directed sampling from the fictional works of American authors of the 19th century.

Results and discussion. This article discusses and analyzes various interpretations of the concept of “mystery” by domestic and foreign scientists; defines the role of the concept in the work of fiction as a whole and in the analyzed novels of two authors J. Lippard and N. Buntline; identifies the features of the linguistic implementation of the “mystery” concept; classifies the linguistic units of the concept according to their parts of speech, semantics and stylistic coloring; analyzes the writers’ linguistic pictures of the world and the conceptual sphere of their works, the illustrative zone of which reveals the reasons for the similarity not only of the storylines of the works, but also of their lexical content.

Conclusion. The study made it possible to describe and illustrate the individual style of American authors of the 19th century through a system of expressive means that correlates the inner world of the writer with the artistic reality, the artistic world of the text created by the “poetic” language. The mental world can be interpreted in cognitive terminology as an individual poetic conceptual sphere, or the conceptual system of the author, consisting of a conceptual, objective, associative, figurative and symbolic layer of the concept. The study showed that the learning of the writer’s linguistic picture of the world and the conceptual sphere of the work can be carried out using a field model, analyzing the LSF forming the “mystery” concept. The analyzed LSF is distinguished by a more specific vocabulary composition, the complication of the seme structure of words, the seme expansion and the restructuring of their hierarchy, which together form the artistic worldview of the authors.

Keywords: concept “mystery”, genre “urban mystery”, idiostyle, field structure, lexico-semantic field (LSF), lexico-semantic group (LSG)

For citation: Bezrukova, V.V. and Garkusha, A.V. (2024), “Concept of “Mystery” and its Realization in the Works of J. Lippard and N. Buntline”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 114–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-114-127 (Russia).

Введение. Тайна является одной из неотъемлемых составляющих жизни человека и занимает особое место в современных филологических исследованиях. Тайна в художественной литературе определяется как важнейшее звено языковой картины мира автора, представляющее культурные особенности и реалии страны, посредством которых люди, принадлежащие к данной культуре, воспринимают и осознают мир и создают его образ. Особое место этот концепт занимает в художественном тексте, где тайна создается с помощью художественных образов, стилистических приемов и других языковых средств как своеобразных кодов, имплицитного смысла и выступает средством интерпретации действительности с учетом идиостиля автора. Цель данной статьи заключается в анализе языковых средств выражения концепта «тайна» в беллетристических произведениях американских авторов, выделении его социокультурного компонента и построении полевой модели лексических единиц, представляющих данный концепт. Изучением концептов в художественных произведениях занимались такие известные отечественные и зарубежные ученые, как Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, А. Вежицкая, Е. С. Кубрякова, С. Е. Никитина, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, В. Smith, S. Laurence, E. Margolis и другие, выработавшие в своих трудах современное представление о художественном пространстве.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения художественного мира произведений с точки зрения философии, психологии, языкознания, аксиологии, гносеологии и онтологии, отображенных в концепте. Анализ концепта позволяет проследить формирование художественной картины мира автора, соотнести художественное мышление и картину мира с языковыми средствами их реализации [1, с. 37]. Концепт «тайна» позволяет обозначить максимальное содержание вводимых и смежных понятий, формирующих художественный образ. Через концепт соединяются наиболее значимые элементы структуры художественного мышления от понятия к художественному образу. Новизна проводимого исследования заключается в том, что до настоящего времени концепт «тайна» не рассматривался в рамках концептуального и структурно-семантического анализа на материале языковых единиц, отражающих этот концепт и описывающих национально-культурные реалии американского общества того времени.

Методология и источники. В основу анализа концепта «тайна» был положен метод концептуального исследования, который подразумевает выявление содержания концептов, формализацию того, что присуще интуиции и имеется в коллективном бессознательном и выражается в языке. В практике проведения концептуального анализа чаще всего используется сочетание анализа на основе словарных дефиниций и анализа контекстов [2, с. 271]. Согласно процедуре проведения концептуального анализа, разработанной М. В. Пименовой, происходит выявление этимологии слова, т. е. имени концепта и, соответственно, его мотивирующие признаки; анализируются словарные дефиниции имени концепта, поля и групп лексики, входящей в него, а также исследуются синонимичные ряды имени концепта, в результате вскрываются понятийные признаки, рассматриваются концептуальные метафоры [3, с. 133].

Результаты и обсуждение. Первой городской тайной стал фельетонный роман Эжена Сю “Les Mystères de Paris”, опубликованный в парижской ежедневной газете *Journal des Débats* во второй половине XIX в. [4]. “Les Mystères de Paris” породил большое количество подобных сюжетов за пределами Франции: более ста романов, действие которых разворачивается в таких местах, как Париж, Лондон, Берлин, Гамбург, Вена, Амстердам, Брюссель, Лиссабон, Милан, Мельбурн, Монреаль, Сент-Луис, Петербург и во множестве городов Соединенных Штатов. Вдохновленные успехом Э. Сю, американские авторы быстро адаптировали его сюжет, риторику и образы персонажей к местным реалиям.

Липпард и Бантлайн были читателями романов Сю. Тем не менее оба автора на страницах своих книг стараются исключить какое-либо прямое копирование его идей, они позиционируют себя как американскую версию Сю. “The Quaker City” Дж. Липпарда был первым зарубежным произведением жанра «тайна», которое стало национальным бестселлером [5]. В романе использовалась сенсационная риторика и мелодраматический сюжет при описании насилия, что усиливалось последовательной структурой повествования: постепенным раскрытием действий и их последствий в течение многих месяцев. Популярности романа способствовали типичные элементы, разоблачающие как жестокость и распущенность преступного мира Филадельфии, так и вопиющие преступления высшего класса города – его политических лидеров, бизнес-магнатов и духовенства, жертвами которых стали честные рабочие и семьи среднего класса.

За “The Quaker City” последовало множество «городских тайн», действие которых распространялось по всей стране с востока на запад и с севера на юг, разнообразив жанр за счет местного колорита.

В это время «городские тайны» преследовали цели, которые в корне противоречили друг другу: развлечь читателей сенсационными историями, но также подтолкнуть их к политическим действиям, разоблачая неудачи городских элит и призывая государственные институты к реформированию. Например, в “The Mysteries and Miseries of New York” Нед Бантлайн напрямую обращается к мэру (*Mr. Frank Hennock*), начальнику полиции (*Captain Julian Tobin*), членам городского совета (*Mr. P., Mr. C., Mr. H.* (в тексте произведения не указываются имена многих героев)) и «благотворительным ассоциациям», таким как Нью-Йоркская больница (*Leaving the hospital doctor to attend the sick family, and the rest enjoying a treat, rich as it was unexpected, the two now retraced their steps through 'Murderer's alley,' and then across to one of the streets beyond the triangular square which centres the sink of misery.*) [6, p. 70], критикуя рост преступности, бедности и проституции и призывая читателей требовать социальных и политических перемен, драматизируя эту критику через развитие персонажей и сюжета. Все произведения жанра «городские тайны» являются «агентами» культурного формирования, цели которых – раскрыть пороки общества, указать на его бедственное положение и призвать читателей к переоценке ценностей и осознанию неизбежности революционных реформ.

Не все городские детективные романы воспроизводят формулу названия оригинального произведения Э. Сю с лексемой «тайна», тем не менее тайны города напрямую или косвенно раскрывались в названиях. Заголовки романов и подобие сюжетных моделей объединили авторов второй половины XIX в. разных континентов и национальностей, что указывает на сходство проблем в обществе той эпохи.

Городские детективные романы произвели сенсационное впечатление на читателей, даже несмотря на то, что они представляли собой «низкопробный вид литературы по сравнению с популярным сентиментализмом среднего уровня» [7, с. 157]. Как восклицает Бантлайн в начале своего повествования: *“I wish to lay before you all the vice of the city [. . .] so that you and the good and philanthropic may see where to apply the healing balm, I wish to show where and how our young men are led away and ruined in the glittering gambling palaces, now many a poor, now wretched and degraded female, has been driven into the paths of infamy, when one kind word and one helping hand would have saved her”* [6, p. 9].

Большинство «городских тайн» публиковались в периодических изданиях или в виде брошюр, а позже переиздавались в виде книг; они создали жанр, повторив его сенсационную формулу названия – «Тайны...» – и адаптировав типы персонажей, сюжетные линии, а также способы повествования к новым контекстам производства и восприятия. Примерами типов персонажей являются:

– аристократические или иначе благородные фигуры спасителей:

✓ *Gold-Bug is the man who saves Mabel from Reverend Pyne, who wants to rape her. Gold-Bug believes that Mabel is the daughter of his old lover, and she vows to protect her because she is her daughter as well* [5, p. 119];

✓ *“Good woman, are you sick?” – cried Mr. Precise, as he rushed up to her side* [6, p. 66];

– безжалостные молодые люди:

✓ *Lorrimer is depicted as a young handsome man who is rich and a member of The Monk Hall. Lorrimer plans to have sex with Mary and he thinks the best way to achieve his goal is by faking a wedding with her at The Monk Hall* [5, p. 143].

✓ *Mr. Bob Sutton is a kind-of-a-looking fellow, and yet a man of immense muscular power. The bulldoggish look about his eyes and mouth – the thick, short neck – the broad round shoulders and full chest makes him look like a thug. Scars are seen like a map of pugilistic history all over his broad countenance. He was once sentenced to Sing-Sing (тюрьма в Нью-Йорке) for life, but was pardoned out, and is now a greater rascal than ever* [6, p. 20];

– ведущие праздный образ жизни женщины – жертвы сексуальной эксплуатации:

✓ *Insulted, scorned, despised, she murmured, and by the man I once so deeply loved!* [5, p. 244];

✓ *Oh, mother, I have seen him before. He was one of those who insulted me on that dreadful night, when I ran all the way home!* [6, p. 98];

– распутные прелюбодейки, отвратительные католические священники:

✓ *Maria has chosen the easy and beautiful trade of an embroiderer or worsted worker, and in this occupation spends all of her leisure hours. She is of that better class of 'the fallen,' known in Paris as the grisettes* [5, p. 81];

✓ *She was massacred by her pretended friends. Priest-craft, and Slave-craft, and Traitor-craft were her murderers* [6, p. 327];

– алчные адвокаты:

✓ *Zat dam lawyare, Monsieur Tarhound; he is employ to fo me some dam leetle dirty shob. He is also known as one of the “Tombs” lawyers* [5, p. 84];

✓ *And that is the Horoscope of a lawyer, who takes fees from both sides. His desire is to know, whether he can perjure himself in a case now in court without detection* [6, p. 24];

– ростовщики:

✓ *“This is what I call lending money at five thousand per cent, interest,” – and he chuckled as he took the bond and confession, and put it away in the place left vacant by the money which he had given to the clerk [5, p. 173];*

✓ *She goes to the front door and lets in a little hump-backed Jew, who wanted to sell me a gold watch [6, p. 171].*

Развитие сюжета часто вращается вокруг религиозного лицемерия (*Reverend Pyne is a respectable preacher throughout Philadelphia. Ironically, Pyne is a secret member of The Monk Hall. During the day, Pyne is a saint, and he preaches about morality and salvation. However, Art night Pyne is immoral and satanic [5, p. 176]; “Stop, stop, my good woman, you are making a mistake!” – cried Livingston ; “I am a minister !” – and as he said this he dropped his cloak, and showed that he was robed in the full costume of a clergyman [6, p. 192]*), а также эксплуатации трудящихся бедняков со стороны богатой городской элиты (*Petriken and Mutchins hire themselves to me for the season I use and, of course, despise them [5, p. 38]; They were curled, and powdered and painted, until art could do no more to add to their looks, and now the poor miserable creatures were on exhibition, as pieces of finery ready for sale [6, p. 90]*). Повествование могло включать в себя сенсационность, сентиментализм, мелодраму и готический ужас (*The stars do not tell me which shall feel the terror of the doom, but that it will be inflicted by one of ye upon the other, is certain [5, p. 26]; She looked around, and there stood poor Isabella – her white dress stained with the earth of the cellar – her face pale as marble – her eyes wild with terror – her whole frame quivering with the agony of fear [6, p. 202]*). Если в популярных повествованиях персонажи используются как «пища для размышления», а сюжеты и способы действия – как средства формирования и организации социальных воздействий, то «городские тайны» явно не «сглаживали сложности жизни». Они предлагали сопереживать сюжетным линиям, которые создавали образ города, где живут их читатели, и появлялись в воображении посредством частых ссылок на конкретные районы, улицы и учреждения.

Процессы формирования личного и национального самосознания, вплетенные в сюжет «городских тайн», во времена стремительных социально-экономических и политических перемен зависели от атмосферы романа, взаимодействовали с ней, но также формировали ее, выходя за рамки печатной литературы. Они создали эту атмосферу, заимствуя образы сценической мелодрамы (например, чрезмерную идиллию, моральные дихотомии), черно-лицых менестрелей (песни, шутки, типичные персонажи), религиозных представлений (пародийные проповеди), бытовых романов (*The girl was interested, and like all young girls, she was delighted to become the confidante of an amiable young lady, who had a little love-romance of real life, to disclose [5, p. 68]; He has seduced the wife of my bosom – the only being on earth that I love, except the children she has borne to me! [6, p. 254]*) (добродетельные страдания, сюжеты соблазнения, сцены на смертном одре) и копеечной прессы (риторика сенсаций, разжигание скандалов).

Сюжеты анализируемых романов держали читателей в состоянии постоянного возбуждения, погружая в постепенно разворачивающийся мир, который накапливал одно социальное зло за другим, вызывая моральное возмущение. Чтение “The Quaker City” Липпарда и “The Mysteries and Miseries of New York” Бантлайна означало осознание своей идентичности как одного из многих эксплуатируемых представителей рабочего класса или как одной из многих

жертв городской преступности (*Mary is an innocent young woman who is a victim to Lorrimer's evil scheme. Mary is Byrnewood's sister. Lorrimer's scheme is botched but he manages to have sex with Mary. Later, Mary dies* [5, p. 216]; *Mr. Shirley, the seducer of the unhappy Mary Sheffield, was seated in his elegantly furnished sitting-room, listening to music from the lips of his daughter; a beautiful young girl, who accompanied herself with rare taste on a piano* [6, p. 237]). В более широком масштабе мы видим в текстах “The Quaker City” или “The Mysteries and Miseries of New York” изображение неудавшейся политики одного города как предвестника национального упадка. Городские детективные романы позволили читателям осознать себя частью национальной аудитории, драматизируя то, что было поставлено на карту, когда разные политики, партии и законодательные органы обсуждали насущные вопросы дня.

Если «городские тайны» претендовали на раскрытие заговоров богатых и могущественных против бедных и бесправных, и если они злорадствовали, раскрывая тайные сети, действующие под маской респектабельности (*I have deeper means, than these! I employ neither force, nor threats, nor fraud, nor violence! My victim is the instrument of her own ruin without one rude grasp from my hand, without one threatening word, she swims willingly to my arms!* [5, p. 109]; *Why, they have rivals in business – they must sell cheap or not at all – to sell cheap they must get their work for almost nothing, and these poor girls must work or starve, or do even worse, and they must do it at the employer's prices.* [6, p. 25]), то удовольствие от чтения романов, по крайней мере частично, основывалось на ощущениях читателей, что эти аллегорические тексты – завуалированные комментарии к истории, реальным людям и событиям.

Самым интригующим в жанре городских детективов является присущая им напряженность: радикализм догматических идеологий, нацеленных на немедленные и фундаментальные политические действия, а также потребность популярного серийного повествования, включая установление различных точек зрения, увеличение количества персонажей, неоднозначное развитие сюжета и открытая траектория повествования, которая набирает обороты из-за самого отрицания – или по крайней мере продолжающейся задержки – завершения истории.

“The Quaker City” и “The Mysteries and Miseries of New York” колеблются между «праведным негодованием» к политической коррупции и жестокости богатых светских львиц по отношению к городской бедноте, с одной стороны, и «отвратительным восприятием» секса (*Mabel is an orphan young woman who Reverend Pyne drugs. Pyne wants to rape Mabel, and he thinks the best way to do it is first to drug her. However, she is helped by God-Bug* [5, p. 213]; *I can't go into the best society; why? because I am a sporting man. Men, merchants and aristocrats will come here to my rooms and play with me – they will drink wine and eat at my table, they meet and shake hands with me, here, but when I meet them in the street, the gentlemen cannot recognise me* [6, p. 180]) и преступности в самых темных уголках общества – с другой стороны.

Чтобы получить и поддерживать контроль над эмоциями своих читателей, авторы создавали харизматичные образы, использовали бесконечные циклы «неизвестности и неожиданности», кульминации и последовательности действий, стилизовали себя как защитников добродетельных бедных и отважных разоблачителей политической коррупции в своих романах и за их пределами. Заявленная цель произведений – подтолкнуть читателей к филан-

тропии, побудить их переосмыслить социальную несправедливость и проявить сочувствие к эксплуатируемому населению. «Картины реальной жизни» Бантлайна и Липпарда основаны на детальном изображении реальных городских пространств (*Oh, magnificent Quaker City, with your warehouses, and your Churches, your Theatres and your Brothels, your Banks and your Insane Hospitals, your Loan Companies and your Alms Houses, how delightful to all your denizens, must be the reflection that Buzby Poodle s no living nuisance, but an airy, though loathsome creation of the author s brain!* [5, p. 140]; *He gazed with wonder at the long rows of little wooden buildings, their cellars sunk far below the swampy street, and, as he passed them, he gazed upon rooms filled with ill-dressed men, and painted, bloated women, who were drinking, dancing, shouting and carousing.* [6, p. 59]) и репрезентации персонажей, чья жизненность проявляется в диалектах, социолектах и жаргоне. Кроме того, “The Mysteries and Miseries of New York” и “The Quaker City” содержат авторские отступления и откровенное морализаторство, которые непосредственно касаются политических убеждений авторов.

Также «городские тайны» характеризовались пересечением социальных и географических границ, приглашая своих читателей на «экскурсии» по трущобам в захудалые районы города и приоткрывая завесу незаконных сексуальных утех богатых и знаменитых, а также разоблачая порочность различных слоев общества (*The Dead-Vault of Monk-Hall was illumined by the glare of lights. Gusts of wind moaning from the dim vault, flung the light with a flaring lustre, over the massy outlines of the pillars, revealing the fragments of coffins scattered round the floor, mingled with human bones, or sending a wild uncertain ray into the far recesses of the cellar* [5, p. 403]; *Then could be seen the miserable street-walkers taking their nightly round up and down Broadway* [6, p. 13]).

Тайна выступает основной «метафизической константой» философии. Прежде всего, нужно провести отличие между философской тайной и той тайной, которая имеет место в различных областях жизни и культуры. Обыденное понимание тайны связано с ее восприятием как чего-то скрытого, неизвестного, вокруг чего образуется некая интрига. Смысл тайны заключается в том, что она, создав интригу напряженности, непременно должна быть разгадана: саспенс всегда гарантирует успех. Но разгадка тайны означает ее исчезновение. Иными словами, тайна – это некий покров неизвестности, который исчезает вместе с ее раскрытием. В философии тайна рассматривается с другой стороны, здесь тайна – не то, что должно быть разгадано, а тайна бытия, чья непостижимость абсолютна [8].

Рассматривая концепт «тайна» не только со стороны литературоведения и философии, но и с точки зрения языкознания, необходимо отметить особую роль лексического наполнения в формировании этого концепта. Концепт тайны лег в основу многих произведений разных авторов, написанных на многих языках мира, что свидетельствует об актуальности темы романов, которая предполагает множество смежных концептов, глубину и витиеватость сюжетных линий, выбор языковых средств выражения данного концепта. Разнообразие средств, используемых авторами для формирования языковой картины произведений, стиля и коммуникативной направленности, сводится в единую лексико-семантическую систему.

В классическом определении под лексико-семантической системой языка подразумеваются слова и выражения, словообразовательные и грамматические категории, способы группировки слов и смысловые соотношения между словами, а также грамматическое

оформление предложений и основные семантические группы слов. Все элементы лексико-семантической системы внутри спаяны, соотносительны и взаимодополняемы, все слова и их значения находятся во взаимосвязи и взаимодействии. Во всех частях и звеньях лексики наличествуют внутренние закономерные связи [9, с. 4].

Полевая модель является продуктивным способом описания лексико-семантической системы языка. Она также успешно применяется при исследовании художественного текста и языковой картины мира отдельного автора. Под лексико-семантическим полем понимается совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи. Лексико-семантическое поле характеризуется рядом признаков системности как в синхронном плане (семантическая соотносительность лексем, «делящих» поле между собой, наличие гипонимов и гиперонимов), так и в диахроническом плане (определенный набор неоднократно реализованных мотивационных моделей, повторяемость словообразовательных моделей, повторяемость производящих этимологических гнезд, порождающих лексику поля).

ЛСП имеет четкую структуру: ядро, образованное гиперонимом; периферию (ближнюю и дальнюю), включающую в себя ассоциативное пространство лексем. В целом элементы поля связаны между собой парадигматическими, деривационными и ассоциативными синтагматическими отношениями. Последние оказываются наиболее представленными в языковой картине мира автора. Некоторые ученые дифференцируют лексико-семантические поля в зависимости от частеречной принадлежности центральной лексемы, образующей ядро поля. По данной классификации выделяют процессуальные поля, формируемые глаголами, признаковые – прилагательными, предметные – существительными [10].

Важнейшим составным компонентом лексико-семантического поля являются лексико-семантические группы слов. Л. М. Васильев считает, что «термином “лексико-семантическая группа” можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семой или хотя бы одним общим семантическим множителем» [11, с. 103].

Анализируемое лексическое поле «тайна» многомерно, объемно. В основе его организации лежат упорядоченные классы, лексические парадигмы разного типа, структурирующие семантическое поле по вертикали и по горизонтали. Ядро лексического поля как его семантическую доминанту образует лексическая единица, выражающая общее инвариантное значение. Одним из основных свойств структуры лексико-семантического поля является ее целостность, которая обеспечивается отношениями, предполагающими вхождение менее сложных единиц в более сложные. Центром поля тайны является многозначное слово «тайна». В семантической структуре этого обобщающего слова отражается весь спектр объема анализируемого концепта [12–16]:

- 1) *something not understood or beyond understanding;*
- 2) *a piece of fiction dealing usually with the solution of a mysterious crime;*
- 3) *the secret or specialized practices or ritual peculiar to an occupation or a body of people;*
- 4) *profound, inexplicable, or secretive quality or character;*
- 5) *a religious truth that one can know only by revelation and cannot fully understand;*
- 6) *a Christian sacrament;*
- 7) *a secret religious rite believed to impart enduring bliss to the initiate.*

Таким образом, лексико-семантическое поле концепта «тайна» представлено главным образом четырьмя лексико-семантическими группами: существительных, прилагательных, наречий и глаголов, а также группой фразеологических единиц.

Так, группа существительных обозначена 14 единицами (*bury, camouflage, cover, disguise, mask, obscure, shelter, stash, cache, cloak, curtain, eclipse, harbor, veil*), 12 из которых представлены в произведениях:

– *Have you courage, to lift the **cover** from the Whited Sepulchre, and while the world is crying honor to its outward purity, to show the festering corruption that rankles in its depths?* [5, p. 3].

– *When twilight darkens, and night comes on, many a man is seen to enter, yet they, too, seem to wear a studied **disguise** – sometimes veiled females are seen to go in at the front door; though nearly all of the visitors to that dwelling have the singular habit of entering by the alley* [6, p. 76].

Группа глаголов представлена 13 единицами (*smuggle, suppress, tuck away, withhold, adumbrate, dissemble, ensconce, conceal, reserve, to glose secrete, shadow, shroud*), 11 из которых представлены в произведениях:

– *to **glose** a falsehood and cover the naked blackness of a lie with such a delicate surface of ivoried-fiction* [5, p. 211].

– *A loose robe de nuit does not **conceal** the beauties of her voluptuous form* [6, p. 321].

Группа прилагательных/причастий представлена 26 единицами (*covert, furtive, mysterious, obscure, private, secluded, undercover, undisclosed, unknown, backdoor, mystic, occult, abstruse, ambiguous, arcane, camouflaged, conspiratorial, covered, cryptic, disguised, enigmatical, esoteric, mystical, recondite, reticent, shrouded*), 10 из которых были обнаружены в произведениях:

– *Two citizens meet in the pathway; they greet each other with familiar salutations, but that silent grasp of each other's hand, that **mystic** sign, made by each upon his forehead?* [5, p. 452].

– *The breakfast was soon prepared, and brought up to the landlady, who went to a **private** cupboard, and brought a phial, from which she poured a drug into the coffee* [6, p. 298].

Наречия представлены 13 единицами (*covertly, furtively, privately, quietly, stealthily, surreptitiously, confidentially, insidiously, intimately, obscurely, slyly, privily, underhandedly*), 7 из которых представлены в произведениях:

– *I saw two gentlemen, with knowin' faces, **slyly** creepin' up the ladder, and lookin' over the edge on the platform* [5, p. 432].

– *But do not let her or the world know the cause of my death – bury me **secretly**, and do not let my name be blasted with the shadow of this shame!* [6, p. 240].

Помимо отдельных частей речи, исследуемое поле может быть представлено группой фразеологических единиц, обозначенных 8 единицами (*air of mystery, misty and mysterious veil, a riddle wrapped in a mystery wrapped in an enigma, to carry a secret to the grave, an open secret, to keep the secret, god works in mysterious ways, to be as still as a grave*), 5 из которых представлены в произведениях:

– *There was no sound of the Doctor's returning footstep. The Museum was still as the grave* [5, p. 180].

– *God would know the truth, he **works in mysterious ways!*** [6, p. 118].

Некоторые ученые выделяют социокультурный и этнокультурный компоненты значения слова, выражающие особенности национального мировоззрения и восприятия человеком конкретного понятия или бытовой реальности, названной словом [17, с. 41]. Лексико-семантическое поле стало восприниматься как важнейший фрагмент языковой картины мира [18, с. 63]. Например, языковые картины мира каждого произведения можно наглядно представить в виде совокупности ключевых лексико-семантических полей «тайны», «городского хронотопа», «родства», «чувств», «противопоставления» и других, где анализ лексики, входящей в состав поля, позволяет сделать выводы об особенностях видения мира автора.

Лексико-семантическое поле «тайна» в художественном тексте “The Quaker City” и “The Mysteries and Miseries of New York” по составу и структуре отличается от общезыкового. В анализируемых литературных произведениях наблюдается трансформация лексического значения слова, семантические приращения, обилие коннотаций, интертекстуальные связи слова и другие особенности, связанные со спецификой языка беллетристической литературы. В семантике художественного слова главной становится «преобразующая роль художественного мировоззрения», способствующая «формированию особой смысловой структуры» [19, с. 29].

Ассоциативная цепочка раскрывает такие виды тайн, разворачивающихся на страницах беллетристических романов, как коммерческая тайна, тайна личной жизни, врачебная тайна, тайна рождения и смерти, тайна усыновления, тайна связи, тайна отношений, тайна любви, нотариальная, служебная тайна, тайна исповеди и другие:

– *From his very birth, he had breathed an atmosphere of infamy. To him, there was no such thing as good in the world. His world his place of birth, his home in infancy, childhood and manhood, his only theatre of action had been the common house of ill-fame. No mother had ever spoken words of kindness to him; no father had even held him in his arms. Sister, brother, friends; he had none of these. He had come into the world without a name; his present one, being the standing designation of the successive Door keepers of Monk-hall, which he in vain endeavoured to assume, leaving the slang title bestowed on him in childhood, to die in forgetfulness* [5, p. 91].

– *“Tell no one where you are going, and be prudent; it would be worse than death to have my love for him known!”* [6, p. 74].

Форма повествования интригует читателя, толкает на путь ложных предположений и умозаключений.

Заключение. В ходе анализа и интерпретации полученных результатов цель исследования была достигнута. Нами были выявлены, описаны и систематизированы особенности языкового выражения концепта «тайна» в беллетристических произведениях американских авторов XIX в. Проведенное исследование позволило выделить как индивидуально-авторские представления, так и схожесть сюжетных моделей и языковой картины мира, стилистической наполненности и концептуализации произведений жанра «городская тайна», «городской детектив», «готический роман». Идиостиль в анализируемых произведениях выступает как средство выражения внутреннего мира писателя и инструмент, обличающий и высмеивающий пороки общества, социальную несправедливость, классовые предрассудки и систему ценностей общества того времени. С помощью языкового выражения концепта «тайна» авторы погружают своих читателей в мистические перипетии сюжетных линий,

взаимоотношений героев, где за одной тайной следует целая цепочка других, витиеватых и запутанных, образующих сеть имплицитно-связанных микроконтекстов. Можно утверждать, что в рамках анализируемых романов рассмотренный концепт иллюстрирует не только общность повествовательных моделей, но и сходство языкового наполнения и лексических способов репрезентации концепта в контексте произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык как национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007.
2. Крючкова Н. В. Методы изучения концепта // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та: труды и материалы / под ред. К. Р. Галиуллина., Казань, 4–6 окт. 2004 г. / Казан. гос. ун-т. Казань, 2004. С. 271–272.
3. Пименова М. В. Душа и жизнь: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004.
4. Sue E. Les mystères de Paris. Paris: J. Rouff, 1842.
5. Lippard G. The Quaker City, or the Monks of Monk Hall. Philadelphia: Leary, Stuart & Company, 1845.
6. Buntline N. The Mysteries and Miseries of New York: A Story of Real Life. Dublin: J. M'Glashan, 1849.
7. Мельничук О. А., Мельничук Т. А. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) / Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 156–167.
8. Василенко Л. Краткий философско-религиозный словарь. М.: Истина и жизнь, 1996.
9. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.
10. Новиков Л. А. Семантическое поле как лексическая категория // Теории поля в современном языкознании. Уфа: БашГУ, 1991. С. 3–7.
11. Васильев Л. М. Парадигматические и синтагматические поля // Актуальные проблемы лексикологии: докл. Третьей лингвистической конф., Новосибирск, 3–7 мая 1971 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1971. С. 102–104.
12. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 05.01.2023).
13. Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 10.01.2023).
14. Longman English Dictionary. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 10.01.2023).
15. Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 05.01.2023).
16. Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 07.01.2023).
17. Вежбицкая А. Язык, культура, познание / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996.
18. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.
19. Язикова Ю. С. Слово в языке А. М. Горького: смысловая структура слова в семантико-стилистической системе писателя. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985.

Информация об авторах.

Безрукова Вера Викторовна – кандидат филологических наук (2004), доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета, ул. Ленина, д. 86, Воронеж, 394024, Россия. Автор 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, история языка, теоретическая грамматика, этимология.

Гаркуша Артемий Витальевич – магистрант кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета, ул. Ленина, д. 86, Воронеж, 394024, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, переводоведение, сопоставительная лингвистика, стилистика текста, этимология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.03.2023; принята после рецензирования 04.05.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.

REFERENCES

1. Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2007), *Yazyk kak natsional'naya kartina mira* [Language as a national picture of the world], Istoki, Voronezh, RUS.
2. Kryuchkova, N.V. (2004), "Methods for studying the concept", *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy* [Russian and comparative philology: state and prospects], in Galiullin, K.R. (ed.), Kazan, RUS, Oct. 4–6, 2004, pp. 271–272.
3. Pimenova, M.V. (2004), *Dusha i zhizn': osobennosti kontseptualizatsii* [Soul and life: features of conceptualization], IPK "Grafika", Kemerovo, RUS.
4. Sue, E. (1842), *Les mystères de Paris*, J. Rouff, Paris, FRA.
5. Lippard, G. (1845), *The Quaker City, or The Monks of Monk Hall*, Leary, Stuart & Company, Philadelphia, USA.
6. Buntline, N. (1849), *The Mysteries and Miseries of New York: A Story of Real Life*, J. M'Glashan, Dublin, IRL.
7. Melnichuk, O.A. and Melnichuk, T.A. (2012), "Strategies of the detective discourse in A. Christie's novels", *J. of Psycholinguistics*, no. 15, pp. 156–167.
8. Vasilenko, L. (1996), *Kratkii filosofsko-religiozniy slovar'* [Brief philosophical and religious dictionary], Istina i zhizn', Moscow, RUS.
9. Vinogradov, V.V. (1953), "Basic types of lexical meanings of a word", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 5, pp. 3–29.
10. Novikov, L.A. (1991), "Semantic field as a lexical category", *Teorii polya v sovremennoy yazykoznanii* [Field theories in modern language knowledge], BashGU, Ufa, RUS, pp. 3–7.
11. Vasil'ev, L.M. (1971), "Paradigmatic and syntagmatic fields", *Aktual'nye problemy leksikologii* [Current problems of lexicology], Novosibirsk, RUS, May 3–7 1971, pp. 102–104.
12. *Cambridge Dictionary*, available at: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed 05.01.2023).
13. *Collins English Dictionary*, available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed 10.01.2023).
14. *Longman English Dictionary*, available at: <http://www.ldoceonline.com> (accessed 10.01.2023).
15. *Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free English Dictionary*, available at: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 05.01.2023).
16. *Merriam-Webster Dictionary*, available at: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 07.01.2023).
17. Wierzbicka, A. (1996), *Language, culture, cognition*, Transl. by Krongauz, M.A. (ed.), Russkie slovari, Moscow, RUS.
18. Karaulov, Yu.N. (1972), "Structure of the lexical-semantic field", *Philological sciences*, no. 1, pp. 57–68.
19. Yazikova, Yu.S. (1985), *Slovo v yazyke A. M. Gor'kogo: Smyslovaya struktura slova v semantiko-stilisticheskoi sisteme pisatelya* [The word in the language of A. M. Gorky: The semantic structure of the word in the semantic-stylistic system of the writer], Volgo-Vyat. kn. izd-vo, Gor'kii, USSR.

Information about the authors.

Vera V. Bezrukova – Can. Sci. (Philology, 2004), Associate Professor at the Department of English, Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenin str., Voronezh 394024, Russia. The author of 50 scientific publications. Area of expertise: text linguistics, history of language, theoretical grammar, etymology.

Artemii V. Garkusha – Master Student at the Department of English, Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenin str., Voronezh 394024, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: text linguistics, translation studies, comparative linguistics, text stylistics, etymology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.03.2023; adopted after review 04.05.2023; published online 21.02.2024.*